

ПОЛИТИКА

Г.Н.Энгельгардт

МУСУЛЬМАНСКИЕ ОБЩИНЫ В РОССИИ¹

¹ Публикация подготовлена на основе выступления Г.Н.Энгельгардта на семинаре «Проблемы интеграции мусульманских общин в странах ЕС и в России», проведенного Комитетом «Россия в объединенной Европе» 21 ноября 2006 года.

Начну с весьма, на первый взгляд, провокационного тезиса: главная угроза интеграции мусульманских сообществ в России — новая исламизация так называемых «традиционных мусульман».

Традиционно «мусульманскими народами» называют этнические группы, которые до 1917 г. в большинстве своем исповедовали ислам. Политика советской власти существенно подорвала позиции религии, поэтому теперь следует различать принадлежность к этносу, исторически придерживавшемуся той или иной религии (в этом, а не в собственно религиозном смысле и принято говорить о «мусульманских народах») — и степень вовлеченности в религиозную практику конкретных людей.

Хотя проблема интеграции мусульманских сообществ в России в настоящий момент существенно отличается от положения в Западной Европе, можно предположить, что в обозримом будущем перед Россией могут встать те же проблемы, которые сейчас терзают Францию, Германию и другие страны Европейского Союза.

Как представляется, причина их возникновения — в изменении структуры мусульманского сообщества страны. Основная масса мусульман — граждане России, представители коренных народов РФ, вполне интегрированные в социум. Однако масштабная трудовая миграция из стран Средней Азии формирует на территории России сообщества, типологически схожие с общинами арабских, африканских, пакистанских и турецких гастарбайтеров Западной Европы.

Издержки интеграции мусульман в современной России пока не сопоставимы по масштабам с теми, которые имеются в странах Западной Европы. Это не значит, что такая ситуация останется неизменной. Основные проблемы интеграции сейчас лежат в этническом, а не религиозном, измерении — речь идет об интеграции выходцев с Северного Кавказа, равно как и сообществ мигрантов из Средней Азии, в областях с преимущественно русским населением.

Этому есть объективные причины: традиционно исламские народы России (в первую очередь представители Восточного Кавказа) перенесли демографические последствия постсоветского кризиса лучше, чем немусульманское большинство населения РФ. В отличие от сокращающегося русского населения, их доля в населении страны увеличивается. Кроме того, либерализация советских ограничений на мобильность населения способствует образованию и росту общин выходцев с Северного Кавказа в тех регионах России, где до недавнего времени их

практически не было. Это явление дополняется миграционным притоком выходцев из Закавказья и Средней Азии. Декларации и практические действия российских властей показывают их долгосрочную заинтересованность в импорте трудовых ресурсов из стран Средней Азии (основной трудоизбыточный регион СНГ), в том числе и в последующей натурализации мигрантов в России.

Западная Европа дает пример того, как крупные диаспоры традиционных мусульман (численность одних только мусульманских общин Франции больше, чем население Ливана, Палестины или Кувейта) могут быть взяты под эффективный идейный и политический контроль активистами политического ислама, организационно восходящими к ассоциации «Братья-Мусульмане» («Аль-Ихван аль-Муслимун»). Европейская стратегия «Братьев», воплощенная в лозунге «исламизация мусульман», во-первых, успешно блокирует попытки интегрировать диаспоры выходцев из мусульманских стран в европейское общество; во-вторых, позволяет трансформировать аморфную совокупность общин и диаспор в самостоятельный субъект европейской политики, подконтрольный внерегиональным религиозно-политическим кругам.

Важным представляется вопрос о численности населения, исповедующего ислам, на территории России. По данным последней переписи, в которой не было вопроса о религиозной принадлежности, общая численность всех так называемых «традиционно мусульманских» народов Российской Федерации составляет примерно 14,5 миллиона, то есть 11–12% населения. В данном случае речь идет только о так называемых «традиционных мусульманах»: татарах, башкирах, представителях народов Северного Кавказа.

В последние годы в России, как уже упоминалось выше, растет численность трудовых мигрантов, в том числе из стран Средней Азии. В настоящее время ее можно оценить в 2–3 млн. человек. Иммиграционная политика российских властей ведет к оседанию по крайней мере значительной части этих мигрантов на постоянной основе в России. Следствием этого становится появление в исламской среде страны третьего заметного компонента (помимо двух традиционных — тюрок Поволжья и северокавказцев).

Как и в Европе, у нас нет реальной конфессиональной статистики. Цифры, которыми обычно оперируют, отражают те или иные оценочные варианты. Так, по оценке С.Б.Филатова и Р.Н.Лункина, в России примерно 2,8 миллиона верующих, практикующих мусульман². Из них 2 миллиона приходится на Северный Кавказ, наиболее исламизированную зону России, в первую очередь — Дагестан, Чечню и Ингушетию. В меньшей степени это Западный Кавказ.

А на всю остальную Россию приходится только 800 тысяч, в первую очередь на тюркские народы Волго-Уральского региона (татары и башкиры), а затем на диаспоры северокавказских народов.

Этим цифрам не противоречат данные отечественных мусульманских лидеров. Например, заместитель главы духовного управления му-

² С.Б.Филатов — сотрудник Института Востоковедения РАН, руководитель проекта «Энциклопедия современной религиозной жизни России». Р.Н.Лункин — сотрудник того же проекта.

сульман Республики Татарстан В.Якупов заявил, что только 8% татар в республике являются практикующими мусульманами, указав, что 92% татарского народа еще надо возвращать к исламу.

Так называемые традиционно мусульманские народы России в разной степени интегрированы в жизнь российского общества.

Татары, башкиры, тюркские народы Волго-Уральского региона находятся под эгидой России более 450 лет. Когда мы говорим о столетиях совместной дружной жизни, к сожалению, следует помнить, что тут желаемое все-таки выдается за действительное. По крайней мере первые двести лет жизнь была весьма недружная, но после череды восстаний и подавлений мусульмане и российская власть относительно притерлись друг к другу.

В большей степени существует проблема с народами Северного Кавказа. Во-первых, они находятся в составе России порядка 150—200 лет (по-разному для каждого из этих народов). В основном они вошли в состав страны в результате кровавой Кавказской войны 1817—1864 гг. В их коллективной памяти та война жива до сих пор, тогда как в центральной России она практически забыта.

Во-вторых, после ослабления административных барьеров, сдерживавших внутрироссийские миграции, за последние 20 лет представители этих народов сформировали заметные общины по всей территории страны. То, что их контакты с местным населением не всегда складываются успешно, со всей очевидностью показывает рост ксенофобии, признаваемый ныне в качестве национальной проблемы.

Соответственно сложились три блока реальных проблем:

- проблема предотвращения попыток радикальной исламизации представителей традиционных общин (в первую очередь тюркских) вне Северного Кавказа;
- проблема интеграции общин (диаспор) северокавказских поселенцев в Центральной России;
- проблема (кстати, новая, сходная с нынешними западноевропейскими) интеграции мигрантов, в первую очередь выходцев из Средней Азии.

Стоит иметь в виду, что если мы говорим, к примеру, об азербайджанских мигрантах, нужно понимать, что они в сравнении с другими этническими группами представляют достаточно малорелигиозный народ. По крайней мере, религиозные вопросы определяют их приоритеты далеко не в первую очередь. Реальная проблема — это интеграция среднеазиатских мигрантов, которые, во-первых, более религиозны, нежели представители традиционно мусульманских народов России; во-вторых, в силу позднего вхождения Средней Азии в состав Российской Империи исторический опыт сосуществования с русскими у них меньше, чем у тюркских и северокавказских народов; в-третьих, подавляющее большинство среднеазиатских мигрантов — юридически иностранцы, вдобавок находящиеся в России нелегально, что также отличает их от мусульман-россиян.

Именно «на плечах» миграции из Средней Азии в Россию въехал и радикальный ислам. В первую очередь речь идет о такой знаменитой организации, как «Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами» (Партия исламского освобождения). Но импортированный радикальный ислам влияет на настроения отдельных представителей коренного населения России. Как решать эту проблему, и какие подводные камни существуют на путях ее решения?

Здесь необходимо уточнить, что часто, говоря об исламе, мы имплицитно предполагаем, что это нечто единое. На самом деле до последнего времени корректнее было говорить о множестве разных исламов. Ислам — очень гибкая религиозная система, имеющая значительное число локальных вариантов. На протяжении последних 40 лет мир столкнулся со своего рода стандартизацией этих локальных исламов в рамках салафитской версии ислама, господствующей в Саудовской Аравии.

Продвижение именно этой формы ислама (иногда ее называют «чистым исламом») стало корнем больших проблем и в Европе, и в России, в частности — на Северном Кавказе. Рост популярности салафитского ислама может стать реальной угрозой интеграции и других исламских сообществ в России.

Уместно напомнить факт, связанный с проблемой мусульманских головных уборов. Как известно, мусульманские общины в Западной Европе сформировались где-то на протяжении последних четырех десятилетий. При этом в течение 20—30 лет эти эмигранты как-то обходились без головных платков — вопросы религиозной идентичности стояли далеко не на первом месте. Впервые проблема хиджабов возникла во Франции в 1989—1990 годах, когда был отмечен всплеск общественной дискуссии по этому поводу. Затем проблема отступила на второй план, о ней забыли. Следующий раз сюжет с хиджабами возник уже на наших глазах в 2005 году.

То же самое верно и применительно к России. Действительно, если возьмем Дагестан, Чечню и Ингушетию, то, так сказать, «исламская форма одежды» начинает в этих регионах постепенно превалировать. С другой стороны, ношение хиджаба молодыми женщинами в Волго-Уральском регионе до сих пор остается исключением. Но стоит отметить, что 10 лет назад таких случаев вообще не было, а сейчас они появились. Подобные тенденции явно возникают в результате экспорта взглядов и ценностей.

Еще один момент, который уместно затронуть, — проблема исламофобии как своеобразного барьера на пути интеграции. В отличие от Европы, ксенофобия в России носит этнический характер, на протяжении последних пятнадцати лет она была всегда детерминирована этнически.

Если обратиться к событиям, связанным с последними крупными терактами, («Норд-Ост» и Беслан), где террористы подчеркивали религиозную мотивацию своих действий, то следует отметить, что у нас не

было ответных актов религиозно мотивированного насилия. В Европе иначе. Например, в Голландии после убийства Тео Ван Гога прошла серия выступлений, были поджоги мечетей. В Англии после взрывов 7 июля 2005 г. также совершались поджоги мечетей, происходили убийства, нападения на мусульман, причем именно как на людей, исповедующих ислам. Отсутствие такого типа реакции России в значительной степени является результатом действий власти, которая всячески пыталась погасить эвентуальное ответное насилие.

Почему же исламизация традиционных мусульман способна стать угрозой для интеграции? Потому что в рамках этого процесса происходит смещение центров лояльности. И гражданин, человек, который рассматривал себя как представителя своей национальности, как гражданина страны в целом, у которого были какие-то устремления в отношении его личной карьеры, личного роста и благосостояния и так далее в рамках своего региона и страны, начинает встраиваться в качестве элемента в наднациональную религиозную общность. Центр лояльности у него постепенно сдвигается в сторону авторитетов этой международной общности. Поэтому проблемы международной мусульманской общины и ее лидеров постепенно могут стать для него важнее, чем проблемы его страны.

К примеру, один из моторов исламской унификации — палестинский вопрос, который в значительной степени находится на периферии интересов жителей России. Путем исламизации традиционных мусульман можно их мобилизовать и вокруг этого вопроса. Суннито-шиитские столкновения и споры в Ираке и Ливане, имеющие крайне отдаленное отношение к проблемам российских мусульман, тем не менее могут вызвать напряженность между российскими последователями этих исламских направлений.

Здесь мы подходим к еще одной важной проблеме. Как известно, недавно Россия встала на путь сближения с организацией «Исламская Конференция», началось интенсивное взаимодействие как по государственной линии, так, постепенно, и по религиозной линии. Барьеры на пути международного исламского сотрудничества, которые у нас были поставлены в 2000—2001 годах, тем самым снимаются, причем при поддержке государства. На мой взгляд, это также может стать одним из стимулов к исламизации традиционных мусульман России.